

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Как моя Пшеничка стала шлюхой

Один бугай Машку мою к себе прижал, за ягодицы тискает, шейку ей нацеловывает, другие тож со всех сторон подошли — кто по спине ее гладит, кто в волосы руку запустил. А она только жалобно попискивает: «Не надо! Нет! Не надо!...» И вырваться пытается, да куда уж там...

Ездили мы как-то с женой на Глухое озеро. Пять лет уже женаты, так что поехали больше шашлычков поесть и покупаться, нежели чем наедине побыть. Пол дня прошло нормально, а потом вдруг прикатили другие отдыхающие — девять человек мужиков на джипах. Увидали нас: «Ой, — говорят, — а чтой-то вы на нашем месте? Ну, ничего-ничего, соседями будем...» Хотелось их послать, да как? Пришлось искать плюсы в совместном отдыхе. А они быстро нашлись. У них не только палатки оказались гигантские, комфортные, а еще и мангал, гитара, хорошей жрачки и спиртного — немерено... Сразу же накрыли на стол, выпили, познакомились, душевно так посидели. И не знаю в какой момент, стал я замечать, что они с аппетитом на мою жену поглядывают...

Мария моя не так чтобы красотка по современным стандартам — округлые формы, животик небольшой, попа, ляхи — все объемное, тяжелые груди... Но миловидная — голубые глаза, конопушечки на носу, россыпь пшеничных волос... Вот они, сволочи, на Пшеничку мою и нацелились. А она захмелела, покраснелась, глазки блестящие влажные, зубоскалит с ними, веселится. Обрадовалась, дуреха, что столько мужчин за ней вдруг ухаживают — шоколад подарили, в стаканчик подливают, комплименты делают... — Пойдем, — говорю, — Маруся, спать! Напилась ты уже, хватит! А они как загалдели: — Да брось... Да ты че! Да пусть посидит с нами девушка...

Я обиделся, что она тут же не вскочила и со мной не пошла — и ушел один в палатку. Посидел-посидел там, не зная, что предпринять. Десять минут прошло, двадцать — она не возвращается. Стало меня зло брать. Выйти бы, накостылять им, чтоб знали, как чужую жену обхаживать. Да одному со всеми не справиться. Подождал еще немного, вышел... «Мать-перемать!...» «Допрыгалась, сучка. ***»

— Муж увидит! Нет! Пустите меня! — Дак он и так видит, — вдруг ляпнул один из насильников, — и, видишь, не возражает! — и указал на меня рукой. А я и впрямь застыл как столб, и выражение, наверно, было придурацкое. — Вася! Это не я! Я не виновата!... — захныкала Машка, еще сильнее заколотив руками в грудь охальника, — Вася!... — но подлец, что ее тискал, зажал ей рот губами — присосался к ней, как пиявка, а пальцами освободил из плена купальника ее правую грудку и стал сосок потирать да покручивать. А у моей жены от такой ласки рефлекс, как у спаниеля. Воображение живо нарисовало как набухает и влажнеет ее кисочка. И злоба и ревность вдруг испарились, как не бывало, а на смену им пришло сильнейшее в моей жизни возбуждение.

Пшеничка охала и извивалась в его руках. А кто-то сзади уже стаскивал с нее трусики. Внезапно вся ватага схватила ее и потащила в палатку. Я пошел за ними и сел у входа. Маша уже была полностью обнажена, руки так и ползали по ее белому телу — сжимали, мяли, оглаживали. Внезапно кто-то сел у нее между ног, развел ее ляжки — и я увидел влажную нежно-кремовую дырочку в обрамлении темно-медовых завитков. Пользовал свою жену столько лет, а вот сейчас — будто в первый раз увидел, какая она восхитительно красивая,

какая желанная... Мужик начал целовать ее ноги — от колен по внутренней поверхности бедра, медленно приближаясь к святой святых. Машка, закрыв глаза, только тихо постанывала. — Возьми в ротик. Ну возьми в ротик, — тыкнул в ее губки один из насильников своей балдой. — Нет! Как я могу! При муже!... — Да разрешает он, разрешает, — пробасил мужик, — он, может, еще к нам присоединится, вон смотри как у него член торчком стоит! И тут я и сам со стыдом заметил, как колом поднялись мои трусы.

Машины глаза сначала удивленно округлились, потом в них промелькнуло что-то вроде облегчения и улыбки, и она с готовностью приняла член в ротик. И принялась насасывать его так, как никогда мне не сосала. А тот, что копошился между ее ног, тем временем добрался губами до самого средоточия ее женственности и принялся шумно и со смаком втягивать в себя ее соки, будто бы пил горячий чай с блюдца.

Пшеничка застонала, выгнула спину, отдаваясь ему, еще шире раздвигая свои ножки. Потом дернулась назад, не желая кончить раньше времени. Тогда он стащил с себя трусы, сел на колени — и медленно вошел в нее. Оба сладостно охнули. — А-ах, как горячо! — протянул мужик, — И какая ты мокрая!... Твоя жена — просто супер! — с уважением кивнул он мне. Я не знал, как реагировать. Вид этой бесстыдной сцены сводил с ума. При каждом его толчке разбухшие губки приоткрывались, киска чавкала, и с наслаждением принимала член в себя. Это повторялось снова и снова. Голова Маши металась, из горла вырывались хриплые стоны. Руки ритмично сжимали два члена.

Мой «дружок» стал уже не менее мокрым, чем ее влагилице. И страшно хотелось присоединиться к пиршеству. Мужик кончил. Громко рыча, он покрыл ее клитор и лоно спермой и отвалился в сторонку. Его место тут же занял другой. Он лег на спину и усадил Машу сверху, спиной к себе. Мне снова было ясно видно весь процесс. Как входит в нее член, как раздвигаются губки, как колыхаются груди. Только теперь лоно ее все было измазано спермой, и Машка выглядела как портовая шлюха, в одиночку принимающая целый корабль. Шлюха, моя жена — шлюха. От этой мысли сперма чуть было не прыснула из меня. И я решил успокоиться. Вышел из палатки, покурил.

Когда я вернулся — они ебали ее уже в два ствола. Это был шок. Никогда я не думал, что моя Машенька способна на такое, и не мог себе представить, что ее узкое влагилице может принять в себя сразу двоих. Внезапно она повернула голову и посмотрела мне прямо в глаза, что это был за взгляд! Она тащилась, по-настоящему тащилась ото всего происходящего. Я придвинулся, грубо взял ее за волосы и заставил сосать. Она делала это с наслаждением, смотрела на меня, лизала мне яйца, а влагилице ее в это время растягивали и долбили два малознакомых мужика. Возбуждение мое, превысив все возможные пределы, становилось почти болезненным. Я больше не мог этого выносить. () Наконец тот, что был сверху, кончил, отвалился и сказал мне, подмигнув: — Я просто уже больше не мог ждать своей очереди. Вот и вошел вторым, не возражаешь? Эти слова внезапно привели меня в чувство. Я, черт возьми, тоже уже больше не мог ждать.

Оттолкнув изготовившегося уже было очередного ебаря, я оказался возле раскинутых ног моей Пшенички. Из лона ее торчал член мужика, что был под ней. По стволу обильно стекала сперма, раскрасневшиеся губки были бесстыдно приоткрыты — разъебали. Не успел я отойти, как во рту у Машки уже снова запрыгали сразу две головки. Вот как. Она хочет два во рту и два в кисе. Сделаем! Я наострил изголодавшийся поршень и осторожно начал пихать его в прореху между набухшим клитором и толстым членом. Все было таким скользким, что я

вошел без труда. О-оо, какое это было наслаждение! Сейчас моя любимая была в два раза теснее, чем даже в день, когда я завалил ее впервые. И осознание того, что кроме влагилица, меня касается сейчас и чей-то движущийся член приносило тоже свою изюминку в это безумное наслаждение сладостными глубинами моей шлюхи-Машки.

Я успел сделать только пару невыносимо восхитительных фрикций и мой член просто взорвался от неописуемого наслаждения. Я постарался послать сперму как можно глубже, долбил шейку ее матки, бился в агонии и с силой сосал кожу, которую захватил где-то под ее грудью, кажется даже слезы выступили у меня на глазах. Не помню, как кончил, как слез с нее. Отлежался какое-то время оглушенный безумным оргазмом. Потом подполз к ней. Ее снова кто-то ебал — но глаза ее сделались несчастными, вид был усталый. Я понял в чем дело. Попросив их сменить позу на боковую, устроился поудобнее у ее промежности и с интересом осмотрел измученную киску. Член по-прежнему буравил ее, но она больше не истекала соками, возбуждение достигло апогея, но никто из верзил так и не заставил малышку кончить. Они получили, что хотели и разбрелись кто куда. И теперь моя Пшеничка страдала от сожалений и разочарования.

Я прикоснулся губами к обмякшему клитору — осторожно облизал его — на губах появился привкус спермы, но это не смутило меня. Ловко ухватив рукой волосы на лобке, я отвел их вместе с кожей назад и принялся привычно нализовать моей Машеньке так, как она любила. Не прошло и минуты, как клитор снова напрягся, она стала легонько подмахивать мне всем тазом, киска снова увлажнилась. — Да! Да!!! ... — застонала она, запуская пальцы мне в волосы. Я старался, чтобы движения моего языка совпадали с ритмом снующего туда-сюда прямо у моего подбородка члена. Это увеличивало возбуждение и сулило Машке двойной оргазм. Наконец она вскрикнула, выгнулась... Сокращаясь, вагина несколько раз судорожно сжала член, и Пшеничка, охнув, упала без сил. От ее оргазма мужик кончил, еще раз полив спермой красное натруженное лоно. Я подполз повыше и заключил жену в объятия. Она все еще прерывисто дышала. — Я люблю тебя. Я так люблю тебя... — прошептала она, уже проваливаясь в сон. Я поцеловал ее в лоб. Это был лучший трах в нашей жизни.